

М.Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет

**Глагол *подражать*:
семантические следствия расщепления валентности**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования глагола *подражать* в контексте конструкций с внутренним и внешним посессором. Устанавливаются факторы, регулирующие возможность расщепления валентности; выявляются ее семантические и прагматические последствия. Выдвигается гипотеза, что наличие диатезы с внешним посессором является одной из причин деривационной избыточности глагола *подражать* в сфере образования отвлеченных имен.

The present paper investigates certain properties of Russian verb *подражать* (*to imitate*) which is used with the internal possession construction (IPC) and the external possessive construction (EPC). Following E.Paducheva the splitting of a Genitive noun phrase is treated as a special type of diathetic shift. The central purpose is to explore semantic and pragmatic consequences of this splitting and to find out why splitting is not possible in just any context. Availability of a split diathesis is considered as a factor of derivational redundancy in the domain of nomina abstracta word-formation.

Ключевые слова: синтаксическая деривация, семантика глагола, расщепление валентности, конструкции с внешним посессором, диатетический сдвиг.

Nominalization, verb semantics, splitting of Possessive NP, external possessive construction, diathetic shift.

УДК: 81'37.

Контактная информация: Иркутск, ул. Чкалова, 2. ИГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3952) 243995. E-mail: tashlykoff@mail.ru.

0. Вводные замечания. Постановка задачи

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных осмыслению феномена деривационной избыточности в сфере производства nomina abstracta, анализу причин и форм проявления конкуренции отвлеченных имен, входящих в состав одного словообразовательного гнезда (это единицы типа *привычка* – *привычность*; *благозвучие* – *благозвучность* и т.п.). Исследование особенностей семантики и функционирования таких субстантивов, как отмечается в [Ташлыкова, 2008; 2011], позволяет выявить лакуны в современных представлениях о синтаксической деривации и предложить решение некоторых актуальных вопросов, связанных с ее описанием.

Как показал анализ ряда единиц такого типа, синтаксические дериваты, входящие в одно словообразовательное гнездо, в ряде случаев формируют отношения, максимально близкие отношениям дополнительной дистрибуции. В результате описываемая ситуация получает такие средства языковой репрезентации,

которые, взаимно дополняя друг друга, осуществляют «перетекание» значения от одного компонента ситуации к другому, сопровождаемое коммуникативной актуализацией соответствующего компонента. Все это позволяет утверждать, что имена качества, входящие в состав одного словообразовательного гнезда, могут функционировать в качестве единиц коммуникативного ранжирования.

Эта их особенность в известной мере определяется семантической спецификой предшествующих звеньев словообразовательной цепи: вершинного глагола или существительного (см. *привыкать / привыкнуть, случаться / случиться*), непосредственно производящего прилагательного и т.п.

Один из интересных случаев такого влияния демонстрирует глагол **подражать**, в гнезде которого, содержащем всего 14 единиц, представлено **три** производных субстантива, образованных в рамках стандартных словообразовательных типов, обслуживающих синтаксическую деривацию. Это существительные *подражание, подражательство, подражательность*. Такая избыточность не может не привлечь внимания, поскольку каждая из названных единиц, будучи синтаксическим дериватом, призвана быть всего лишь «новыми мехами для старого вина», формой, транспонирующей содержание своего производящего в новую часть речи. *Подражание* и *подражательство* являются кодериватами вершинного глагола; существительное *подражательность*, формально мотивированное прилагательным *подражательный*, семантически также восходит к базовому глаголу, поскольку прилагательное само функционирует как синтаксический дериват¹ и не способно служить источником нового содержания. Следовательно, гипотетически все названные субстантивы должны обладать тождеством лексического значения.

Их семантическая близость в отдельных случаях, действительно, имеет место, ср.: *подражание Хемингуэю, подражательство импрессионизму, подражательность чужим образцам*. В других случаях эти существительные не обладают способностью к взаимозаменяемости, используются для высвечивания разных граней определенного концепта: *образцом для подражания считается Чехия; стихи только и состоят из подражательства; он расположен к подражательности*.

Попытка эксплицировать эти различия и предложить их системное описание привела к необходимости детально рассмотреть функционально-семантические особенности вершинного глагола, анализ которых и составляет предмет настоящего исследования.

Материалом исследования являются примеры контекстного употребления лексемы *подражать*, извлеченные из Национального корпуса русского языка [www.corpora.yandex.ru] (всего – около тысячи употреблений).

1. *Подражать*: толкование в свете сочетаемости

Согласно МАС, глагол *подражать* имеет значение ‘повторять, воспроизводить с возможной точностью какие-л. звуки, чьи-л. действия’ (*подражает голосу гида, подражает вою собаки*) и два оттенка: ‘следовать примеру кого-л.’ (*отец подражал деду в обращении с братьями*); ‘следовать чужому образцу в своем творчестве’ (*подражать старым мастерам*).

Анализ примеров Национального корпуса показывает, что *подражать* используется в нескольких типах контекстов.

(1.1) *X подражает Y-у Z-а* или *Z-овому Y* (*подражать звуку сирены, голосу Левитана, мяуканью кошки, их добросердечию* и т.п.);

(1.2) *X подражает Z-у в Y* (*отец подражал деду в обращении с братьями, подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам*); с обратным

¹ Прилагательное реализует словообразовательное значение ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’.

порядком компонентов: *X подражает в Y Z-у (подражал в стихах Пушкину и Байрону)*;

(2) *X подражает Z-у (подражает отцу, начальству, другу)*.

В данной работе рассматриваются употребления типа 1.1 и 1.2. Они объединяются на том основании, что Y и Z характеризуются когнитивной сопряженностью, то есть они связаны онтологически (по природе вещей) или ситуационно (термин и комментарий из [Кибрик, Брыкина, Хитров, 2004]). Противопоставлены соответствующие употребления по способу оформления этой связи.

В (1.1) глагол *подражать* функционирует как двухвалентный, валентность субъекта X выражается формой ИМ, валентность косвенного объекта Y – формой ДАТ. Важно при этом, что именная группа Y Z-а (Z-овый Y) – это (в широком смысле) посессивная конструкция, или, в другой терминологии, атрибутивная синтагма¹.

В (1.2) происходит расщепление исходной семантической валентности предиката, занимаемой генитивной группой: один семантический актанта начинает выражаться «двумя соподчиненными данной предикатной лексеме словами или группами слов» [Апресян, 2009, с. 534]. Это же явление Ю.Д. Апресян характеризует как «смещение актанта – явление передачи семантического актанта Y от его исконного хозяина X в синтаксическое подчинение тому глаголу V, семантическим и синтаксическим актантом которого является сам X» [Апресян, 2009, с. 540].

Расщепление сопровождается экстрапозицией одного из компонентов атрибутивной синтагмы (посессора или обладаемого). В анализируемых конструкциях типа 1.2 имеет место экстрапозиция обладаемого и подъем посессора, ср.: *подражать жестокости тирана – тирану в жестокости, подражать миролюбию отца – отцу в миролюбии, храбрости Самсона – в храбрости Самсону* и т.п. Во всех таких случаях «посессор (зависимое исходной ИГ) поднимается в позицию вершины, а исходное вершинное имя (обладаемое) вытесняется – экстрапонируется – и переподчиняется предикату по новой синтаксической валентности» [Лентьев, 2008, с. 8].

Указанное различие в грамматическом оформлении «объекта подражания», как представляется, спровоцировало лексикографа на выделение оттенков значения глагола *подражать*.

Между тем в целом ряде случаев атрибутивная синтагма и конструкция с внешним посессором (далее – КВП) используются как синонимические средства обозначения одной и той же денотативной ситуации (см. примеры выше), что вызывает сомнение в корректности такого решения.

С другой стороны, экстрапозиция обладаемого зачастую невозможна или, по крайней мере, сомнительна, ср.: *подражать мяуканью кошки – ?кошке в мяуканье, подражать героям боевиков – *боевикам в героях, рекламе чая – *чаю в рекламе, инстинктивности зверей – ?зверям в инстинктивности* и т.п. Обратная ситуация – невозможность использования атрибутивной конструкции на месте конструкции с внешним посессором – встречается крайне редко: *подражать творцу в сотворении Вселенной – ?сотворению Вселенной творцом*.

В связи со сказанным возникает два вопроса:

(а) чем обусловлен запрет на конструкцию с внешним посессором в случае ее отсутствия;

(б) чем отличаются эти конструкции в случае их возможной синонимии.

¹ «Атрибутивная синтагма состоит из пары именных групп, связанных подчинительным отношением. В русском языке она оформляется показателем родительного падежа в зависимом имени (*дом отца*) или притяжательной формой зависимого местоимения (*мой / твой / наш / ваш / свой дом*) [Кибрик и др., 2006].

Исходным пунктом сопоставления, как принято в работах по этой проблематике, будем считать конструкции с атрибутивными синтагмами (в другой терминологии – с внутренним посессором).

2. Подражать в составе конструкций с внутренним и внешним посессором

В [Кибрик и др. 2004; 2006; Леонтьев, 2008] на объемном корпусном материале детально рассматриваются факторы, влияющие на возможность / невозможность / обязательность внешнего посессора. Статья [Кибрик и др., 2006] демонстрирует, в частности, обусловленность последнего такими параметрами предикации, как синтаксическая позиция актанта, выражаемого прототипической посессивной конструкцией, его семантическая роль, тип посессивного отношения, тематический класс предиката, одушевленность посессора.

Иначе говоря, анализ отталкивается от характеристики конструкции $X + V + \{Y\text{-}y\ Z\text{-}a\} / \{Z\text{-}овый\ Y\}$, которая принимается за базовую.

При этом последовательно рассматриваются

- (a) тематический класс V ;
- (b) синтаксическая позиция элемента $\{Y\text{-}y\ Z\text{-}a\} / \{Z\text{-}овый\ Y\}$;
- (c) семантическая роль элемента $\{Y\text{-}y\ Z\text{-}a\} / \{Z\text{-}овый\ Y\}$;
- (d) тип посессивного отношения, связывающего Y и Z ;
- (e) одушевленность $Z\text{-}a$.

Для того чтобы иметь возможность сопоставить особенности функционирования **посессивной группы при глаголе *подражать* с общими закономерностями, следует определить соответствующие параметры в общепринятых терминах.**

Однако эта задача решается достаточно просто только для двух из названных параметров: синтаксической позиции актанта и одушевленности / неодушевленности посессора. При этом, хотя в реальной действительности характер каждого из участников ситуации, описываемой глаголом *подражать*, достаточно ясен, однозначно определить класс предиката, семантическую роль актанта, заполняемого прототипической посессивной конструкцией, и тип посессивных отношений, довольно затруднительно.

2.1. Параметризация факторов и «режимы предпочтений»

(a) Параметр '**тематический класс предиката**' не удастся применить автоматически. С известными оговорками глагол *подражать* можно включить в класс **vis[ual]**, характеризующийся следующим набором признаков: синтаксическая позиция первого актанта – субъект, роль – агенс (одушевленный) / эффиктор (неодушевленный); синтаксическая позиция второго актанта – прямой объект / косвенное дополнение, роль – цель (ср. *выражать, демонстрировать, обнажать, прикрывать*). Ясно, что по компоненту 'цель' *подражать* отличается от прототипических глаголов этого класса. Говорить о цели применительно к семантике анализируемого глагола можно, видимо, только в смысле [Падучева, 2009]: «Под целью имеется в виду внутренняя (разрядка автора. – *М.Т.*) цель, состоящая в совершении данного действия: если я поднял руку, цель моего действия состояла в том, чтобы поднять руку» [Падучева, 2009, с. 364].

(b) **Синтаксическая позиция актанта** $\{Y\text{-}y\ Z\text{-}a\} / \{Z\text{-}овый\ Y\}$ в нашем случае – косвенное дополнение (OBL в терминологии Кибрика).

(c) **Семантическая роль участника**, названного атрибутивной синтагмой, с одной стороны, подобна роли стимула (ST) – «участника, присутствие которого в ситуации необходимо для ее реализации» [Кибрик и др., 2006, с. 23]. С другой стороны, стимул обычно понимается как источник воздействия, оказываемого на

внутреннее состояние другого участника ситуации, а потому предполагает наличие экспериенцера, а не агенса, как в нашем случае.

Можно попытаться разрешить указанное противоречие, обратившись к описанию семантических ролей глаголов близкой семантики. *Подражать*, как кажется, близок глаголам воспроизведения типа «изображать, рисовать, писать»⁴ в таких употреблениях, как *рисовать льва, писать зимний лес* и т.п. По Ю.Д. Апресяну, эти глаголы имеют внешний объект (это сама модель) и внутренний (возникающее изображение)¹. Аналогичным образом *подражать* описывает ситуацию, в которую вовлечен «исходный» объект и «возникающий»; например, в ситуации *Горчаков подражал походке императора* есть внешний объект (*походка императора*) и внутренний (походка Горчакова, которая возникает как результат подражания походке императора)².

Трактовка участника как внешнего объекта, однако, включает в себя представление, что этот участник «подвергается какому-то воздействию со стороны субъекта, **изменяя свое положение, состояние или свойства**» [Кибрик и др., 2006, с. 23]. В работах [Кибрик и др.] внешнему объекту соответствует пациент – «участник, не контролирующей ситуацию, не ответственный за ее реализацию и **подвергающийся изменению своего состояния**» [Кибрик и др., 2006, с. 23] (Выделено мной. – М.Т.). Как представляется, ни в примерах Апресяна, ни в контекстах с глаголом *подражать* участник, обозначенный формой дательного падежа, своих свойств / состояния не меняет.

Из сказанного следует, что квалифицировать семантическую роль этого участника как роль объекта можно лишь в расширительном смысле, ср. определение Ч. Филмора: «Объект – вещь, которая передвигается или изменяется, **положение или существование которой является предметом внимания**» (Выделено мной. – М.Т.) [Цит. по: Апресян, 1995, с. 25]. На это же указывает Ю.Д. Апресян: «По аналогии об объекте (но не о пациенте) говорят и в тех случаях, когда **предмет никак не изменяется** (*смотреть на картину, слушать радио*), когда **он не подвергается никакому действию** (*видеть картину, слышать голоса*) [Там же, с. 521].

Представляется, однако, что по своим содержательным характеристикам актант глагола *подражать*, выражаемый посессивной конструкцией, сближается скорее со стимулом, чем с объектом, так как называет явление действительности, которое является не просто «предметом внимания», но побуждением к действию: субъект (Sb) замечает нечто (Y Z-a) в реальной действительности → это нечто воздействует на ментальную и/или эмоциональную сферу субъекта субъект воспроизводит это нечто, используя свои внутренние ресурсы (*X подражает Y-у Z-a*). Другими словами, ситуация подражания скорее описывается в терминах ‘стимул – реакция’, чем в терминах ‘предмет – его (направленное) восприятие’.

Учитывая вышеизложенное, при решении первой задачи (выявление факторов, не благоприятствующих конструкциям с внешним посессором в контексте глагола *подражать*) мы будем привлекать в качестве фона анализ конструкций с семантической ролью ST и PA (стимул и пациент) в работах группы Кибрика.

По первым двум параметрам посессивные конструкции, используемые при глаголе *подражать*, ведут себя нетипичным образом:

¹ Под внешним объектом здесь понимается «такой, который уже существует в мире и подвергается какому-то воздействию со стороны субъекта, изменяя свое положение, состояние или свойства. Внутренний объект – такой, который возникает в результате действия» [Апресян, 2009, с. 492].

² Кстати, наличие внутреннего объекта доказывается тем, что у существительного *подражание* есть переносное значение ‘результат подражания’.

(а) глагол *подражать* не входит ни в один из тематических классов, благоприятствующих КВП (это глаголы причинения вреда, воздействия, стимулирования восприятия, эмоции, чувства);

(б) рассматриваемая конструкция занимает синтаксическую позицию косвенного дополнения, что в нашем случае не снимает возможности экстрапозиции обладаемого, хотя, по данным [Кибрик и др., 2006], при этом синтаксическом отношении она встречается лишь в 0,1% контекстов (благоприятствуют КВП позиции субъекта и объекта).

Третий параметр, напротив, является фактором, благоприятствующим КВП: семантические роли объекта и стимула, признаки которых совмещает актанта {Y-y Z-a}/{Z-овый Y}, находятся в первой и второй группе иерархии соответственно.

Важно подчеркнуть, что эти параметры (сам глагол, синтаксическая позиция и семантическая роль актанта) в рассматриваемом случае являются фиксированными, и потому их анализ позволяет составить определенное представление лишь о специфике конструкций, используемых в контексте глагола *подражать* в кругу других посессивных конструкций русского языка.

«Режим предпочтения» конструкций с внешним или внутренним посессором в контексте одного и того же глагола регулируется, очевидно, какими-то другими параметрами.

(d) Предварительный анализ материала показал, что в составе атрибутивной синтагмы {Y-y Z-a}/{Z-овый Y} реализуются лишь некоторые типы **посессивных отношений** из тех, которые выделены в [Кибрик и др. 2006] на основании анализа семантических свойств посессора и обладаемого. Перечислим их с определениями авторов¹.

PAR – параметрическое отношение [сущность – параметр сущности]: *подражать голосу матери, интонации отца, его вере*. В более поздней работе [Леонтьев, 2008] ярлык PAR используется для описания отношения [носитель свойства – свойство] (*ширина прямоугольника, внешность девушки*). Это отношение представлено в нашем материале наибольшим количеством примеров: *подражать добродетели героев, их добросердечности*.

SUB – субъектное отношение [субъект события / состояния – событие / состояние]. В [Леонтьев, 2008] подобные случаи квалифицируются как реализация двух типов отношений:

SAG – агенс – ситуация [‘Y совершает или совершил действие, производит или произвел деятельность X’]: *подражать вою собак, делам государя, движениям птицы*.

SPA – неагентивный участник – ситуация [Y является неагентивным субъектом ситуации X]: *подражать журчанию вод*.

PRD – отношение продукта [сущность/деятель – продукт]: *подражать звуку сирены, шуму дороги, вою гудка*. А.П. Леонтьев трактует эти отношения более узко: [создатель – произведение]: *подражать прозе Платонова, кодексу Наполеона*.

PLC – отношение бытования [сущность – место / время сущности]: *подражать германской культуре, героям детства / прошлых эпох, дикторам Московского радио*.

Другие посессивные отношения представлены единичными примерами:

Как показывает анализ, элементы именной группы, заполняющей правую валентность глагола *подражать*, характеризуются такими посессивными отношениями, при которых возможность экстрапозиции как посессора, так и обладаемо-

¹ В следующих формулировках, как это принято в [Кибрик, 2003; 2006], первый член в схеме – посессор, второй – обладаемое; после двоеточия приводятся примеры посессивных конструкций при глаголе *подражать*.

го близка среднестатистическим показателям¹; соответственно, параметр (d) можно условно оценить как нейтральный.

Главным фактором, благоприятствующим КВП в контексте глагола *подражать*, является **одушевленность посессора** (что, кстати, соответствует общим закономерностям).

Действительно, при *подражать* невозможна конструкция с внешним неодушевленным посессором: *подражать журчанию вод* → **водам в журчании, звуку стрельбы* → **стрельбе в звуке, героям боевиков* → **боевикам в героях*. В этом смысле очень показательны следующие примеры: *подражать предрассудкам аристократизма* не преобразуется в **подражать аристократизму в предрассудках*, однако этот запрет легко снимается, если отвлеченное имя посессора заменить на одушевленное – *подражать аристократам в предрассудках*. Контексты *подражать германской культуре, Западу в учености* допускают возможность преобразования: *подражать Германии в культуре, Западу в учености* – при том, что *Германия* и *Запад*, конечно, понимаются метонимически.

Любопытно, однако, что неодушевленность посессора не мешает описать соответствующую ситуацию в пределах атрибутивной синтагмы. Дело здесь, кажется, в следующем.

Атрибутивная синтагма называет объект подражания целостно. Свойство и его носитель мыслятся нерасчлененно, при этом глаголу подчиняется как раз имя свойства, что обеспечивает «гармонию» между значением глагола, требующим непердметного распространителя (ср. *воспроизвести* – ‘повторить что-л., в точности копируя’; *повторить* – ‘сказать, исполнить или сделать еще раз то же самое’), и выбранным актантом.

При подъеме посессора (который сопровождает экстрапозицию обладаемого) называющий его актант (предметное имя) напрямую подчиняется глаголу, в результате чего, во-первых, посессор концептуализируется как непосредственный объект подражания, и, во-вторых, возникает конфликт между требованиями, идущими от глагольной семантики, и способом их лексической реализации. Этот конфликт легко разрешается, если посессор – лицо: в таком случае субъект подражания (всегда личный) обладает необходимым «ресурсом» для воспроизведения свойств / действий / состояний объекта, поскольку оба принадлежат одной и той же онтологической категории. Если посессор – не-лицо, возникает противоречие между онтологическими характеристиками субъекта и объекта: у личного субъекта не обнаруживается достаточных ресурсов для подражания объекту, концептуализированному с помощью ЭО-конструкции (*подражать пению граммофонной пластинки* → **подражать граммофонной пластинке в пении*). Оказывается, таким образом, что тот способ грамматического оформления участников ситуации подражания, который характеризует конструкцию с внешним посессором, вступает в противоречие с их ролью в объективной действительности и поэтому в подобных случаях не используется.

Итак, **неодушевленность** (даже неличность) **посессора** – первый фактор, обуславливающий запрет на КВП при глаголе *подражать*.

2.2. Конкуренция конструкций и коммуникативные акценты

Еще один фактор, который следует иметь в виду в нашем случае – это **тематический класс обладаемого**.

В составе конструкции с внутренним посессором максимальной частотностью характеризуются существительные, имеющие в своей смысловой структуре

¹ Как показали исследователи, благоприятствуют конструкциям с внешним посессором посессивные отношения ‘часть тела’, ‘одежда’, ‘бытование’, ‘форма’, ‘групповое’, ‘параметр’.

семантический компонент 'речь', 'звук': *подражать речи матери, звуку сирены, жужжанию мухи, вою волков и шакалов, пению петуха*, (при этом абсолютным лидером является существительное *голос*, которое встречается почти в половине контекстов).

Значительно в меньшем количестве представлены управляемые существительные, относящиеся к следующим семантическим областям:

- ментальная и психическая сфера, восприятие (*подражать творчеству жертв, предрассудкам аристократизма, германской культуре, взрослым чувствам*);
- свойство (*подражать их жесткости, простоте своего любимца*);
- поведение и поступки (*подражать хваткам медведей, привычкам знакомых*);
- движения, действия, деятельность (*подражать движениям птицы, полету бабочек, танцу отца, рыси лошадки, действиям людей*);
- лицо / личная сфера (*подражать героям детства, интеллектуалам авангарда, героям боевиков / романов / рекламных роликов / прошлых эпох / Гомера*);
- тексты (*подражать прозе Платонова, кодексу Наполеона*);
- другое (*черточке переноса, отелям Сен-Жерменского предместья, реке времени*).

В составе конструкций с внешним посессором частотная иерархия тематических классов имен, называющих обладаемое, не совпадает с иерархией, выявленной для первой конструкции.

Здесь на первом месте – имена свойств, действий и процессов, далее – имена текстов и других артефактов; поступков и поведения; последнее место по частотности занимают управляемые существительные, в семантике которых содержится указание на речь, звук).

Тематический анализ позволяет выявить некоторые тенденции в распределении конструкций с внутренним и внешним посессором.

Обнаруживается, во-первых, что легче всего оба типа конструкций образуются в тех случаях, когда позицию обладаемого занимают имена свойств (*подражать добродетели героев – другу в добродетели*). При этом формируется параметрическое посессивное отношение, что, как показано в [Кибрик и др., 2006], в целом благоприятствует и экстрапозиции посессора, и экстрапозиции обладаемого. Интуитивно ясно, однако, что, например, *подражать храбрости Самсона* и *подражать в храбрости Самсону* – не совсем одно и то же. Как кажется, это объясняется тем, что специфика имени качества, называющего обладаемое в таких случаях, и специфика конструкции взаимно дополняют друг друга.

Любопытно при этом, что, если качество, служащее объектом подражания, названо изосемическими (в смысле [Золотова, 1998¹]) средствами (в нашем случае – прилагательными), атрибутивная синтагма допускает неоднозначную интерпретацию. Так, выражение *подражать храброму Самсону* совсем не обязательно означает *подражать храбрости Самсона*. В результате словообразовательного акта имя признака выходит из зависимой позиции согласованного определения в позицию управляющего субстантива: *храбрый Самсон* → *храбрость Самсона*². Такое грамматическое переподчинение влечет за собой переподчинение смыслов: акценты смещаются с предмета – носителя признака на сам признак, представленный как автономная сущность. В составе мотивирующего суждения

¹ «По признаку соответствия / несоответствия отображаемого категориального значения основному категориальному значению данной части речи, основные подклассы названы изосемическими, периферийные – неизосемическими» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 109].

² *Храбрость* употребляется здесь как общее (а не пропозитивное) имя в смысле [Падучева, 2009].

признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем, как внутреннее свойство предмета. Деривационный акт не отменяет этого единства предмета и его свойства, а только сдвигает смысловые акценты с первого на второе.

Экстрапозиция обладаемого (*подражать Самсону в храбрости*), разрывая грамматическую связь имен предмета и признака, завершает «разъединение» носителя свойства и самого свойства, выдвигая последнее в коммуникативный фокус высказывания¹.

Поэтому выбор конструкции обуславливается только коммуникативным намерением говорящего, ср.: *Антоний, выслушивая эти жестоки слова от игумена, стоял и молчал, подражая Христову смирению* (еп. Игнатий) – *Это меня раздражало, но, кажется, он вздумал подражать князю в «христианском смирении», что было уже несколько смешно* (Ф. Достоевский).

Иногда обладаемое само оформляется посессивной конструкцией, что дает дополнительные возможности «для маневра», ср.: *подражал Сталину в медлительности движений – подражал медлительности движений Сталина – подражал медлительности Сталина в движениях*.

Изменение синтаксических связей имеет еще одно интересное следствие: появляются дополнительные возможности интерпретации имени, обозначающего обладаемое. В составе атрибутивной синтагмы, которая, взятая в целом, называет объект подражания, обладаемое мыслится в подавляющем большинстве случаев как свойство / состояние / деятельность / продукт деятельности посессора. В результате экстрапозиции происходит «переприсвоение» обладаемого: названное свойство / состояние / деятельность начинает мыслиться скорее как характеристика субъекта подражания, на что указывает возможность употребления возвратно-притяжательного местоимения, ср. *подражать в своем танце отцу, подражать в своем поведении другу* и т.п. Схематически указанное различие можно представить так: *подражать {танцу отца} ↔ {подражать в (своем) танце} отцу*.

Это наглядно проявляется также в тех случаях, когда обладаемое относится к семантическому классу ‘тексты’, ср.: *X подражает {прозе Платонова}* – в фокусе Платонов и его проза; *X {подражает в (своей) прозе} Платонову* – в фокусе проза X.

То же самое соображение объясняет невозможность использования конструкции с внешним посессором для описания ситуаций типа *подражать кодексу Наполеона*. Переподчинение актантов делает бессмысленными выражения **подражать в кодексе Наполеону, *подражать в «Евгении Онегине» Пушкину* (про допустимости *подражать в стихах Пушкину*), поскольку здесь невозможно то «переприсвоение» обладаемого, которое наблюдается в контекстах, рассмотренных выше, – в силу его уникальности, однозначной авторизованности.

Таким образом, несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что в составе конструкции с внутренним посессором субъект свойства, которому подражают, кореферентен посессору, с внешним посессором – субъекту подражания.

Выбор одной из конструкций в случае их свободного варьирования обеспечивает говорящего возможностями для тонкой семантической нюансировки, связанной со смещением фокуса внимания.

Хотя сдвиг коммуникативного акцента осуществляется здесь не так явно, как в классических случаях мены диатезы, выводящей одного из участников на периферию или даже за кадр, он имеет существенное значение для формирования функционально-семантических особенностей словообразовательных дериватов глагола *подражать* (см. подробнее: [Гашлыкова, 2011]).

¹ Ср.: «ЭО-конструкции обычно выбираются, если обладаемое входит в рему высказывания» [Леонтьев, 2008, с. 17].

3. Заключение

Подражать не принадлежит ни одному из тематических классов глаголов, для которых характерно расщепление валентности.

Анализ факторов, в целом благоприятствующих КВП, применительно к контекстам использования глагола *подражать*, показывает, что «сильных» системных условий для выбора конструкции с внешним посессором также нет. Тем не менее эта конструкция используется при глаголе *подражать* почти так же широко, как атрибутивная синтагма.

Запрет на КВП обуславливается только неодушевленностью посессора, что связано с возникающим в таком случае противоречием между онтологическими характеристиками субъекта и объекта (личный субъект не имеет достаточных ресурсов для подражания объекту, концептуализированному с помощью ЭО-конструкции).

В ситуации конкуренции атрибутивная синтагма и конструкция с внешним посессором обнаруживают определенные «тематические пристрастия», которые можно представить в виде следующих шкал:

АС: 'речь', 'звук' > 'ментальная и психическая сфера', 'восприятие' > 'свойства' > 'поведение и поступки' > 'действия, деятельность' > 'лицо /личная сфера' > 'тексты';

КВП: 'свойства' > 'действия и процессы' > 'тексты' > 'поступки и поведение' > 'речь, звук'.

В случае возможности свободного варьирования выбор одной из конструкций обуславливается ее коммуникативными ресурсами, обеспечивающими смещение фокуса внимания с субъекта свойства на субъект подражания и обратно.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика.
- Апресян Ю.Д. Понятийный аппарат системной лексикографии // Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. М., 2009. Т. 1: Парадигматика.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М, 1998.
- Кибрик А.Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре: Сборник к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Хитров А.Н. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2004» / И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей. М., 2004.
- Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев М.М., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1.
- Леонтьев А.П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Падучева Е.В. Статьи разных лет. М., 2009.
- Ташлыкова М.Б. Семантика привычки в современном русском языке // Российский лингвистический ежегодник. 2008. Красноярск, 2008. Вып. 10 (3).
- Ташлыкова М.Б. Философия случая в русской языковой картине мира // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск, 2011. Кн. 2.